

ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ ГРАММАТИКИ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Под учебной грамматикой бурятского языка понимаются школьные учебники по бурятскому языку для 1-8-х классов (ныне - для 1-9-х классов), учебники по морфологии и синтаксису для педучилищ и пединститута.

Авторами являются:

1-й класс (букварь) - Л.Д. Ошоров, В.Д. Цыденова (1986 г.);

2-й класс (звуки и буквы, слог, заимствованные слова, алфавит, предложение) - Л.Д. Ошоров, Д.Б. Дашиева (1987 г.).

2-й класс (ныне 3-й класс: предложения; состав слова; правописание гласных и согласных; основные части речи) - Б.Б. Батоев, Ц.Б. Будаев и др. (1987 г.);

3-й класс (ныне 4-й класс: имя существительное, глагол; предложения) - А.А. Аюрзанайн, Д.Р. Бадмаева (1987 г.); утвержден новый учебник, авторы Э.Р. Раднаев, Е.З. Бадмаева;

4-й класс (ныне 5-й класс: лексика, синтаксис, фонетика) - Ц.Ц. Цыдыпов, Ц.Б. Бальжинимаева (1975 г., 3-е изд.); утвержден новый учебник, авторы Ц.Ц. Цыдыпов, Б.Б. Гомбоев;

5-6-е классы (ныне 6-7-е классы: лексика, морфология - все части речи) - Ц.Ц. Цыдыпов, Л.Д. Ошоров (1984 г.); утвержден новый учебник, авторы Ц.Ц. Цыдыпов, Д.Б. Базарова;

7-8-е классы (ныне 8-9-е классы: синтаксис и пунктуация, стилистика) - Д.Д. Доржиев, Д.Д. Дугаржабон, Л.З. Лхасаранова (1985 г.); утвержден новый учебник, авторы Д.Д. Доржиев, Р.Ц. Санжимитыпова;

учебник для педучилищ, I часть (лексика, фонетика, морфология) - Л.Д. Шагдаров, Д.Д. Дугар-Жабон (1978 г.);

учебник для педучилищ, II часть (синтаксис) - Л.Д. Шагдаров (1986 г.); учебник для пединститута (морфология) - Ц.Ц. Цыдыпов (находится в производстве); учебник для пединститута (синтаксис) - Ц.Ц. Цыдыпов (1985 г.).

Краткой истории преподавания бурятского языка в школе посвящена работа Э.Р. Раднаева "Бурятский язык в школе"¹. В ней большое внимание уделяется анализу программ, учебников, а также методике преподавания. Как отмечает автор, в 40-50-х гг. большую роль в развитии преподавания бурятского языка сыграли труды по бурятскому языкознанию Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, Д.А. Алексеева и других исследователей, в которых были разработаны многие вопросы бурятского языка. С 50-х гг. появляются работы Ц.Ц. Цыдыпова, которому принадлежат основные обобщающие труды по методике преподавания бурятской грамматики: это монографии "Общие вопросы преподавания бурятского языка в 5-7 классах" (1958 г.), "Преподавание фонетики и морфологии" (1961 г.), «Изучение темы "Состав слова" на уроках родного языка в 5 классе бурят-монгольской школы» (1956 г.), "Изучение состава слова в 5 классе" (1956 г.), "Методика преподавания бурятского языка" (1967 г., учебное пособие для вузов).

Ввиду того, что Ц.Ц. Цыдыпов является автором основных школьных и вузовских учебников и методических работ, в которых большое место занимает лингвистика, а также того, что он в течение трех десятков лет ведет в Бурятском госпединституте (г. Улан-Удэ) курсы морфологии и синтаксиса, его взгляды по вопросам бурятской грамматики получили широкое распространение в учебной грамматике. Например, все учебники вслед за Ц.Ц. Цыдыповым суффиксы множественного числа и словоформобразующие суффиксы типа -хан (басагахан), -сар (ноёсор) называют окончаниями (залгалта). Учитывая сказанное, в настоящей статье в основном мы рассмотрим взгляды Ц.Ц. Цыдыпова. Следует отметить, что именно он создал на бурятском языке научную грамматику бурятского языка. Задача заключается в том, чтобы разобраться в спорных положениях в этих трудах, устранить разнобой в трактовке отдельных вопросов в учебниках и работах Ц.Ц. Цыдыпова, с одной стороны, и учебниках для 8-9-х классов и педучилищ - с другой, а также в целом усовершенствовать бурятскую учебную грамматику.

В вузовском учебнике морфологии выделены две новые части речи: 1) Түрүү үгэнүүд (букв. "передовые слова") - "предшествующие слова" и 2) Дуурияһан үгэнүүд - "подражательные слова"².

Примерно этот же круг слов выделяется С.Л. Чаревым в одну самостоятельную часть речи - "наречные слова и частицы"².

²В отношении разграничения этих слов по частям речи вузовский учебник расходится со школьным учебником для 5-6-х классов (ныне 6-7-е классы). В школьном учебнике предшествующие слова (шууд, саб, хам, халба, мулта) отнесены к наречиям образа действия, а звукоподражательные слова - к междометиям. В частности, в определении этой части речи сказано: "Междометиями называются слова, обозначающие чувства и звукоподражания". Здесь лучше было бы сказать: "слова, обозначающие чувства и волеизъявления", т.е. убрать из определения звукоподражания, ибо они по ряду формальных параметров примыкают к междометиям, но по существу таковыми не являются.

В "Грамматике калмыцкого языка" (1983) как самостоятельная часть речи даются "Изобразительные слова", они помещены после "Междометий".

В 1961 г. Т.А. Бертагаев в качестве самостоятельных частей речи выделял "причастия и деепричастия" и исключал из системы частей речи "послеслоги"³. Впоследствии он склонен был слова типа мулта, пуга, хаха выделить в самостоятельный класс слов под названием "префиксоиды" (по Л. Бэшэ - превербы).

Нам представляется, что в учебной грамматике в отношении количества и названий частей речи целесообразнее придерживаться академической "Грамматики бурятского языка" (1962 г.). Она, как известно, выделяет 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частицы, союзы и междометия.

Так называемые предшествующие слова, как и подражательные, нельзя выделять в самостоятельную часть речи ввиду того, что на самом деле все они не являются в полном смысле словами, ибо не обладают назывной функцией. Так, звукоподражание хан - это подражание звуку, но оно не называет определенное действие или предмет; так же и мулта дает представление о чем-то интенсивном, но конкретно ничего не называет (как, скажем, производное от него слово мулталха 'вырывать'). Они представляют из себя корнеслоги и не функционируют в речи в виде отдельных самостоятельных слов. Следовательно, эти корнеслоги и не могут составлять самостоятельной части речи. Поэтому, как и в научной грамматике*, их лучше рассматривать вместе с междометиями, назвав эту часть речи так: "Междометия, дуурялан үгэнүүд ба уридлапан үгэнүүд" - "Междометия, подражательные слова и предшествующие слова". Причем к этой части речи надо относить лишь одиночные изобразительные и предшествующие слова типа хан, тон, тоб; мулта, шуу, таһа; саб, түб и т.д. Совершенно недопустимо, как это делает вузовский учебник, иллюстрировать их другими частями речи, например, глаголами: ян-тан гэнэ, пур-пар гэнэ; наречиями типа хан-хан, тон-тон.

Функция подражательных и предшествующих слов состоит в том, чтобы участвовать в образовании глаголов, наречий, а также редуцированных форм качественных прилагательных: тос гэхэ, мулта татаха, саб сагаан и т.д.

Представляется неверным, как это делает вузовский учебник, рассматривать подобные образования как аналитические конструкции. Последние выражают какое-либо грамматическое значение (например, видовое значение: уншажа бай-). А в случае с изобразительными корнеслогами и превербами - при их сочетании с гэхэ и другими глаголами - мы имеем дело с полнценным глаголом, обретающим все словоизменительные и синтаксические свойства этой части речи. Поэтому тас гэ- - это не аналитическая конст-

*Правда, в научной грамматике префиксоиды отнесены к наречиям.

рукция, а полноценная глагольная основа. Между пор-пор гэгшэнь (во фразе Пор-пор гэгшэнь поршооно байбал) и поршооногшэнь с точки зрения функциональной нет разницы. Поэтому и в первом случае подлежащим является причастие, а не какое-либо аморфное слово. Также и в случае шуу татаха, мулта түрэхэ образуются новые глаголы, несколько отличающиеся по значению от соотносительных с ними глаголов шуулаха и мултарха.

Теперь рассмотрим спорные моменты в трактовке категорий и форм отдельных частей речи. В учебнике для 5-6-х классов (1984 г., с. 141) сказано: "Глагол, состоящий из одного слова, называется отдельным (амяараа) глаголом (уншана, ябана, байна и т.д.). Глагол, состоящий из двух-трех слов и обозначающий одно действие, называется совокупным (суг) глаголом (унтажа байна, бэшэдэг болопон байба)". В данном случае, по нашему мнению, бэшэдэг болопон байба - составное глагольное сказуемое, т.е. явление синтаксиса. Но если отвлечься от этого, то здесь прослеживается стремление авторов дать понять учащимся, что глагол бывает и составным. Это правильно, потому что в упражнениях сплошь и рядом встречаются составные образования, которые доставляют учащимся много затруднений. Однако, ставя одиночный и совокупный глаголы в равное положение, авторы должны были это обосновать. В частности, если отдельный глагол имеет основу, то и в совокупном глаголе должна быть выделена своя основа. В этом случае лингвисты старшего поколения склонны были выделять два типа основ:

1) основу, представляющую собой как бы сложный глагол (например, В.М. Надеяев полагал, что один из таких видов производной глагольной основы состоит из изобразительного корня и служебного слова гэхэ: түс гэхэ);

2) основу, представляющую собой глагольную форму (в отличие от первого типа эта основа образуется из двух глаголов, причем, как пишет Г.Д. Санжеев, такой "составной глагол членим на знаменательную и служебную части, или компоненты (кудалдун аб- 'покупать', нисчү ябу- 'улетать', идэджу өг- 'съесть' (по чьей-то просьбе)', очиджу ирэ- 'сходить', унгишиджу байи- 'читать')⁴.

При такой интерпретации в выделенном вузовской морфологией совокупном (суг) глаголе бэшэдэг болопон байба на самом деле имеется составная морфообразующая основа бэшэдэг боло-, а байба является связкой (холболто), как это трактуется в школьном синтаксисе. Таким образом, в бэшэдэг болопон байба лишь бэшэдэг боло- - морфологическая аналитическая конструкция, а сочетание в целом представляет собой составное глагольное сказуемое. О том, что это явление синтаксическое, свидетельствует и наличие именного составного сказуемого такого же типа.

В бурятском языке встречается очень много составных образований с глагольным значением, в которых первым компонентом является имя, звукоподражательное, префиксоидное или другого типа слово, а вторым компонентом - вспомогательный или полужнаменательный глагол. Т.А. Бертагаев и Г.Д. Санжеев называли их

глагольными идиомами. В частности, Т.А. Бертагаев, касаясь образований типа түс гэхэ, хаб гэхэ, палд гэхэ, писал: "... перед нами не слово, а сочетание слов, причем фразеологически сращенное, неразложимое, равное по своему значению слову... Такие неразложимые сочетания в отличие от междометий обладают номинативной функцией, именуя действие... Они не характеризуются особыми, отличными от глаголов грамматическими признаками, чтобы быть выделенными в самостоятельный разряд слов. Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются... то их следует рассматривать как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными сращениями или глагольными идиомами"⁵.

Г.Д. Санжеев относительно образований типа ябад гэ-, хатад гэ-, шууд гэ- писал: «Эти и подобные им глагольные образования нельзя смешивать с устойчивыми словосочетаниями типа дуу дуула- 'петь', 'распевать песни', которые столь же неправильно называть "составными глаголами"»⁶. Поэтому часть этих образований, которая остается после выделения формообразующих аффиксов, можно было бы именовать в учебной грамматике "фразеологическая глаголой пуури", т.е. основой фразеологизированного глагола. Такая основа состоит из:

- 1) изобразительного глагола и вспомогательного глагола: тос гэхэ, түр-тар гэхэ, түрэн-таран гэхэ, абжага-хабжага гэхэ;
- 2) преверба и вспомогательного глагола: мулта татаха, шуу татаха, соо сохихо, хаха сохихо;
- 3) имени и вспомогательного глагола: намга абаха 'жениться', палхи абаха 'простудиться', мори абаха 'встретить гостя', беее бариха 'сдерживаться', дэмжэлтэ үзүүлхэ 'поддерживать';
- 4) наречия и вспомогательного глагола: өөдэ абаха 'оказывать внимание', урагша абаха 'принимать во внимание' и т.д.

К фразеологизированным глаголам должны быть отнесены и так называемые "номинативно-вербальные аналитические конструкции" Ц.Ц. Цыдыпова, состоящие из сочетания именного и глагольного слов типа багша болобо 'стал учителем'. Такая составная основа способна принимать все словоизменительные аффиксы глагола: багша болоторнь, багша болоходонь и т.д. Она может сочетаться и со вспомогательными глаголами в составе аналитической конструкции: багша боложо байна, багша болохоёо байна и т.д. Она способна даже к ограниченному словопроизводству: багша бололгон 'становление учителя'. Однако к таким конструкциям Ц.Ц. Цыдыпов относит сочетания типа хүн байгаа, агитаторнууд гээшэл; они не обладают теми глагольными свойствами, которые присущи основам типа багша боло-, и поэтому не могут быть отнесены к фразеологизированным глагольным сочетаниям.

Следует сказать, что фразеологизированные глаголы ничем не отличаются от обычных глаголов и выполняют те же синтаксические функции, что и они: үүдэн түрд гэбэ (сказуемое); үүдэнь няд гэтэр хааба (обстоятельство образа действия); няд гэлэн абяан дуулдашаба (определение); нэгэ юумэнэй хос гэхэнь дуулдаба (под-

лежащее); тэрэнэй хос гэжнень дуулаабди (дополнение).

Между тем в вузовском учебнике рассматриваемыми образованиями в одном случае иллюстрируется подражательное слово как самостоятельная часть речи: ян-тан гэнэ, пүр-пүр гэнэ, в другом случае в число наречий включено слово урша-урша гүүлэнэ (в сочетании нюураа урша-урша гүүлэнэ). Но здесь на самом деле имеется глагольная основа, в которой гэ- выполняет функцию словообразующего (глаголообразующего) аффикса. Так же обстоит дело с другими выделенными там словами типа халхаг-халхаг гэнэ, таран-түрэн гэнэ и т.д. В таран-түрэн гэнээр еребэ нельзя рассматривать таран-түрэн отдельно от гэнээр, ибо в целом они составляют деепричастную форму. Давая понятие о фразеологизированных глаголах, в учебной грамматике следует сказать и о настоящих фразеологических оборотах, эквивалентных глаголам, типа зөөлэн бүхэдэ дииндэхэ 'уснуть' (букв. 'быть сокрушенным мягким силачом'). Эти фразеологизмы в отличие от фразеологизированных глагольных сочетаний характеризуются ограниченной глагольной дистрибуцией.

В школьном учебнике для 5-6-х классов (1984 г.) выделяются четыре вида, образованных аналитическим способом: 1) законченный (уншаад байна), 2) продолженный (уншажа байна), 3) многократный (уншадаг байна), 4) потенциальный (уншахаяа байна). Кроме того, выделяются мелкие виды (жэжэ түлэбүүд), образованные синтетическим способом, посредством аффиксов: 1) -лза (нахилза, хотолзо, тэхэлээ), 2) -гана (парбагана, ёрбогоно, дүхэгэнэ), 3) -жархи, -аадхи (ябажархи, ябаадхи, хэлэжэрхи, хэлээдхи), 4) -ша (ябаша, бодошо, гүйшэ).

Однако такая точка зрения на виды не получила полного признания. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев справедливо считает, что выделенные Ц.Ц. Цыдыповым видовые значения могут выражаться не только этими, но и другими аналитическими конструкциями. В частности, вопреки утверждению Ц.Ц. Цыдыпова, аналитическая конструкция типа ошопон байна так же может обозначать закончившееся в прошлом действие, как и конструкция с деепричастием -аад, являющаяся, по мнению автора, законченным видом. Разница между ними лишь в том, что конструкция с -аад выражает недавно завершившееся действие, а конструкция с -пан - действие, закончившееся в неопределенном прошлом. Это можно видеть из следующих сопоставлений: Бадма экзаменаа үгөөд байна 'Бадма экзамен сдал (недавно)' и Бадма экзаменаа үгэһэн байна 'Бадма экзамен сдал'. Значение завершенности еще более определено, когда причастие принимает суффикс интенсивности -жархи: Дондог номоо хүндэ үгэжэрхийэн байна 'Дондок отдал свою книгу кому-то'. Здесь ощущается еще оттенок неожиданности, сожаления, свидетельствующий о том, что данная конструкция выражает не одно только видовое значение. Или возьмем рассмотренный здесь автором пример: Баатар Москва ошоод байна и Баатар Москва ошопон байна. Во втором случае говорящий, выяснив этот факт каким-то образом, например, позвонив по телефону в Москву, может употребить это предложение со значением 'Выяснилось, что он доехал до Москвы'.

В "Грамматике калмыцкого языка" сказано: "Кроме того, длительный вид передается путем сочетания служебного глагола со знаменательным глаголом в форме разделительного деепричастия: уунд бээх (пить постоянно), умшаад бээх (читать постоянно, еще продолжает читать), кеһад бээх (делать, продолжать делать, делать да делать), унтад бээх (спать да спать)"⁷.

М.Н. Орловская, ссылаясь на работу Ц.Ц. Цыдыпова "Аналитические конструкции в бурятском языке" (Улан-Удэ, 1972), пишет: "Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные аффиксы, например, -ж (соединительное деепричастие), -аад (разделительное деепричастие) и др. выражают категорию вида. Мы придерживаемся той точки зрения, что видовые значения передаются этими деепричастиями в сочетании со вспомогательными глаголами и глагольными связками"⁸.

З.В. Шевернина как недостаток в работе Ц.Ц. Цыдыпова отмечает, что в ней четко не эксплицировано сущностное различие между видами и видовыми классами, не ясны их функция, назначение в системе монгольского глагола. Утверждения о том, что видовые классы в отличие от вида обозначают "другие, более незначительные и второстепенные моменты протекания действия", играют "второстепенную грамматическую роль", не обладают "достаточной объяснительной силой"⁹.

Г.С. Дугарова, так же как и З.В. Шевернина, положительно оценивая попытку Ц.Ц. Цыдыпова осуществить дифференцированный подход к огромному числу показателей, традиционно относимых к категории вида, отмечает, что положенный в основу рассмотрения фактов признак тотальности образования не является релевантным для производимой им классификации значений (видов и видовых классов). По признаку "тотальности распространения" к видам можно отнести с полным основанием и суффиксы -рхи, -ша, образующиеся от неограниченного в принципе числа глаголов. По Ц.Ц. Цыдыпову, конструкции с фазовыми глаголами типа эхилхэ, дүүргэжэ (отнесенные им к классу так называемых лексических видовых значений) изоморфны многим аналитическим формам, составленным из деепричастия и вспомогательного глагола (уншажа байгаа и др.). Возражение вызывает включение Цыдыповым в число видов так называемого потенциального вида (деепричастие на -хаа/-хаяа + связка бай-). По традиции значения потенциальности, намерения совершить действие принято относить к модальным и описывать в рамках теории модальности¹⁰.

Из приведенных высказываний монголоведов, специально занимавшихся проблемами вида в монгольских языках, становится ясным, что включить в учебную грамматику концепцию видов Ц.Ц. Цыдыпова без корректировки не представляется возможным. Следует признать, что одно и то же видовое значение может выражаться разными аналитическими конструкциями и синтетическими формами, поэтому не следует жестко привязывать видовые значения к четырем аналитическим конструкциям. Нет достаточных оснований диф-

ференцировать виды и видовые классы. Многие монголоеды считают, что этими конструкциями выражаются временные значения. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев полагает, что сочетания соединительного и разделительного деепричастий, а также причастий на -һан и -һай со вспомогательным глаголом бай- представляют собой аналитические формы настоящего и прошедшего времени¹¹. Согласно точке зрения Н.С. Яхонтовой, аналитическая конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени на -һан основного глагола и связи бай-, является перфектом. Настоящее время перфекта обозначает действие в прошлом, последствия которого сохраняются в настоя-

щем¹². Все это свидетельствует о необходимости признания того, что аналитическими конструкциями зачастую выражаются сопряженные категории вида, времени и отчасти наклонения¹³. Поскольку категории наклонения, времени и вида очень тесно связаны между собой, некоторые языковеды предлагали даже объединить их в одну общую сверхкатеорию.

Аналитическая видовая конструкция наиболее часто встречается в окончательных глагольных формах. Но она употребляется и в других глагольных формах, когда они выступают в роли разных членов предложения: зогсон байжа харана (обстоятельство), зогсон байһыень һанана (дополнение), зогсон байпаниинь һанагдана (подлежащее), зогсон байһан баатар (определение). Во всех случаях данная видовая конструкция сохраняет значение длительности и прошедшего времени и вместе с тем имеет оттенок высокого стиля.

В школьном учебнике (5-6-е классы, 1986 г.) основы глагола подразделяются на: 1) непроизводные (анхан) - яба, ошо, таби и 2) производные (гараһан) - шөрдэ, нөгөдө, хүхэрэ, ябалса, сһолсо (с. 144). Утверждается (с. 163), что посредством суффиксов -һа, -һана, -һархи (-һадхи), -һа образуется новая (шэнэ) основа глагола. Однако о различии между этими тремя видами основ четко не сказано. Между тем они имеют между собой весьма существенные отличия. В частности, если непроизводные (анхан) и производные (гараһан) основы являются полноценными глагольными основами, способными образовывать новые именные и залоговые основы (например, яба - ябадал, ябуула, шөрдэ - шөрдэлгэн, шөрдүлэ, ябалса - ябалсалга, ябалсуула), то новые (шэнэ) основы, образуемые только от глаголов, являются в этом отношении несколько "ущербными". Так, от основ типа ябасагаа, табижархи, унаша, ябахата и других невозможно образовывать новые залоговые и именные основы. Поэтому такие новые основы называют еще видовыми основами. Однако, поскольку они бывают не только синтетическими, но и аналитическими, следовало бы различать в учебной грамматике: 1) простую видовую основу (состоит из одного слова) - эдижэрхи, унташа, зантагаша и 2) составную видовую основу (состоит из знаменательного и вспомогательного компонентов) - уншажа бай-, хэлээд орхи-, хаха татажа бай-, тас-түс гэжэ бай- и т.д.

Такая составная основа часто принимает форму сопряженных категорий (вида, модальности, времени), но, поскольку доминирующим в ней все же является выражение видовых значений, она и называется составной видовой основой.

Кроме того, как указывалось выше, монголоведами выделяются фразеологизированные основы (хан гэжэ, мулта татаха, багша болохо, һамга абаха и т.д.), которые можно считать составными производными основами.

Таким образом, глагольные основы подразделяются на:

- 1) непроизводные (анхан) — яба, ошо;
- 2) производные (гараһан) простые (негэде, улайра, харалса) и составные (һалхи аба-, багша боло-, пүс-түс гэ-);
- 3) видовые (шэнэ) простые (ябаша, ябаадхи, гүйшэ и др.) и составные (хаража бай-, багша боложо бай-, татад гэ-).

Школьный учебник (5-6-е классы, 1986 г.) утверждает, что глагол имеет четыре формы (түхэлнүүд): повелительную (хандаһан), сообщающую (мэдүүлһэн), причастную и деепричастную.

Представляется неправомерным изгонять из учебной грамматики понятие "наклонение" и ставить в один ряд с причастиями и деепричастиями повелительно-желательные и изъявительные формы. Следует, как и в научной грамматике, различать окончательные и неокончателные глаголы. Как известно, окончательные глаголы могут быть только конечными сказуемыми. К таким относятся глаголы изъявительного и повелительного наклонений. Неокончателные глаголы могут употребляться и в конце предложения, в качестве сказуемого, но в отличие от окончательных глаголов употребляются и в качестве других членов предложения. Категория наклонения является весьма абстрактной, представляется желательным первое представление о ней давать в школе. Эта категория свойственна повелительно-желательным и изъявительным формам, и их соответственно надо бы именовать традиционными терминами "хандаһан наклонени" и "саглууһан наклонени". Термин "саглууһан" (от слова саг 'время', 'временной'), вероятно, точнее выражает содержание этой категории, чем "мэдүүлһэн" (от глагола мэдүүлхэ 'сообщать, извещать, заявлять').

В учебной грамматике, в том числе вузовской, четко не раскрыто понятие грамматической категории. Отношение оппозиции, однородность грамматических значений, составляющих грамматическую категорию, не показаны на ярких примерах. Причастие и деепричастие неверно называются иногда грамматическими категориями глагола. Причем одни категории, например категории вида, освещаются подробно (в вузовском учебнике изложение приобретает характер детального исследования), другие же категории совсем не раскрываются.

Поскольку глагол является основополагающей частью речи в бурятском языке, следует кратко и ясно сказать о его категориях: о том, что глагол имеет категории вида, залога, времени и лица, что одни, в частности категории вида и залога, присущи всем глаголам, в том числе причастиям и деепричастиям, а другие имеют-

ся лишь у некоторых форм. Так, категорией времени обладают изъ-
явительное наклонение, причастия и некоторые деепричастия. В ву-
зовском учебнике утверждается, что глагол имеет категории лица
и числа. Но ведь категория лица наличествует лишь в повелитель-
но-желательном наклонении. В других глаголах лицо отмечается
посредством лично-предикативных частиц. Глаголу не свойственна
и категория числа. Выражение числа лично-предикативными части-
цами не является исключительной принадлежностью одного глаго-
ла, а свойственно любой части речи, выступающей в предложении
предикативно, т.е., как указывает Г.Д. Санжеев, оно оказывается
явлением сугубо синтаксического характера.

Как отмечает Ц.Ц. Цыдыпов в "Аналитических конструкциях...",
"правильная лингвистическая и методическая разработка" материа-
ла позволила ему исключить из учебника тему "Переходные и не-
переходные глаголы"; желательное наклонение с единственным аф-
фиксом -най присоединить к теме "Форма обращения". Далее он
сообщает, что «ликвидирована довольно объемная тема "Залог",
так как залоговые понятия учащиеся получают при изучении гла-
гольных словообразовательных суффиксов»¹⁴.

И в школьном учебнике в разделе "Словообразование глагола"
суффиксы глагола даются как залоговые; отмечается, что все сло-
вообразовательные суффиксы глагола наряду с образованием новых
глаголов показывают, как действие относится к субъекту (тэрэ
үйлынгөө хайшан гэд үйлэдэгшдэ хабдааныен харуулдаг). Сло-
вообразовательные суффиксы подразделяются на: 1) действительные
суффиксы (нам-на, ном-но, хэм-нэ, амта-ла, үзүүр-лэ, хайша-ла,
иэншэ-лэ), 2) возвратные (хүхэ-рэ, бага-да, бая-жа, абяр-
ха, алдар-ша), 3) страдательные (дүүд-да, ол-до, диил-дэ; ба-
ри-гда, оно-гдо, үргэ-гдэ), 4) побудительные (шат-аа, гар-га,
бай-лга), 5) совместные (гара-лса, оро-лсо, ерэ-лдэ), 6) взаим-
ные суффиксы (бари-лда, хөөрэ-лдэ). При этом термин "залог" со-
вершенно не упоминается. В результате такой "лингвометодичес-
кой" обработки невозможно получить ясного представления ни о
словообразовании глагола, ни о залогах.

Весьма своеобразно трактуется спряжение. Как сказано в "Ме-
тодике преподавания бурятского языка" Ц.Ц. Цыдыпова, "глагол
бурятского языка принимает более тридцати окончаний (залгалта).
Изменение глагола посредством присоединения в нему этих окон-
чаний называется спряжением (найралдал). Все эти окончания в
школьном учебнике распределены по четырем группам (повелитель-
ные, сообщающие, причастные и деепричастные формы)"¹⁵. При
этом делается ссылка на "Грамматику бурят-монгольского языка"
Г.Д. Санжеева (1941 г.).

Но, как известно, в последующих работах Г.Д. Санжеев ото-
шел от такого понимания спряжения, хотя сама по себе способность
глагола изменяться по всем глагольным формам и категориям -
весьма важный показатель. Он подверг критике М. Кастрена и
А.Д. Руднева, считавших, что в бурятском языке помимо глаголов

спряжение свойственно также именам. Как выяснилось, М. Кастрен и А.Д. Руднев приняли за спряжение способность имен оформляться предикативными частицами и благодаря этому выступать в сказуемой функции. Поскольку лично-предикативные частицы в монгольских языках не составляют монополярную принадлежность одних глаголов, эти частицы, по Г.Д. Санжееву, не являются формообразующими морфемами глагола и не могут рассматриваться при изложении системы монгольского глагола. Они относятся к категории частиц синтаксического порядка, как и другие частицы. Исходя из этого, исследователь приходит к выводу, что глаголы в мон-

гольских языках не имеют личного спряжения¹⁶. По выражению Г.Д. Санжеева, указанные «лично-предикативные частицы отличаются от личных окончаний индоевропейских глаголов, как парик от естественных волос на голове человека: как только в названных диалектах изъявительная или причастная форма глагола (как и всякого имени, выступающего в функции сказуемого) выключается из сказуемого положения, так сразу же "снимается" как бы временно присоединенная к ней лично-предикативная частица, без которой основное значение ее не отмирает (не то будет, если мы станем "снимать" личные окончания у таких, например, форм русского глагола, как сиджу, сидишь, сидит и т.п.: останутся не живые слова, имеющие реальное или грамматически полноценное бытие, а только то, что А.М. Пешковский называл лишь "почти словами", имеющими абстрактные, самые общие значения)»¹⁷.

Таким образом, вопрос о спряжении понимается бурятоведом по-разному. Одни считают, что изменение глагола по всем глагольным формам является спряжением (эта точка зрения проводится в учебной грамматике), другие же полагают, что спряжение, как таковое, свойственно лишь глаголам изъявительного наклонения, третьи склонны думать, что спряжения в чистом виде вообще нет в бурятском языке.

Если считать, что лично-предикативные частицы при их присоединении к собственно глаголам выполняют лишь функции лица и числа (а не предикативную функцию, как в случае с именами, частицами и наречиями) и потому являются морфологическими категориями, то можно было бы признать наличие спряжения в бурятском языке. Однако в школьной грамматике оно должно пониматься в соответствии с общезыковедческой традицией как изменение глагола по лицам, числам, временам, наклонениям и по родам. Если мы будем трактовать спряжение на уроках русского языка именно в таком аспекте, а на уроках бурятского языка будем говорить, что спряжение – это изменение глагола по всем тридцати с лишним глагольным формам, то этим только запутаем учащихся.

В школьном учебнике для 5–6-х классов (1984 г.) к наречиям отнесены:

- 1) слова баһа, үшөө, обозначающие повторяемость;
- 2) слова нэгэндэ, хоёрто, гурбанда и т.д., обозначающие перечисление и не выступающие в роли членов предложения;

3) слова магад, нээрээ и другие, не выступающие в роли членов предложения;

4) слова ёпотой, ушартай и т.д., завершающие предложение (с. 173).

Принадлежность этих слов к наречиям сомнительна. Слова типа ёпотой, ушартай, аргатай, зэргэтэй и т.д. совершенно не похожи на наречия. Представляется более убедительным рассматривать их как модальные слова, выполняющие в составных сказуемых служебную функцию.

В вузовском учебнике к этому же разряду отнесены адъективированные существительные, выступающие в функции сказуемых: гайхалтай (например, эдихэ гээшэнь гайхалтай или гайхалтай хүн), гайтай, баяртай, ашатай, жаргалтай, оролдосотой, шууяатай, эрхэтэй и др.

В разделе "Имя существительное" вузовского учебника в лексических разрядах к существительным отнесены слова типа сагаанинь, утань. Однако в монголоведении принято считать, что в этом случае нет еще окончательного перехода прилагательных в разряд существительных, что здесь субстантивация неполная, т.е. такое слово продолжает употребляться и как прилагательное (ср. Цыремпишэй хайн бууралын 'добрый чалый Цыремпила' - прилагательное в роли существительного; буурал морин 'чалый конь' - прилагательное в собственном значении).

При описании падежей недостаточно охарактеризован именительный падеж, в результате чего в отдельных случаях наблюдаются противоречия: говорится, что именительный падеж отвечает на вопрос хэн? юун? (кто? что?), но далее следует противоречие: вряд ли можно считать, что модон в сочетании модон стол 'деревянный стол' стоит в именительном падеже, поскольку здесь уместен вопрос ямар? (какой?).

В научной грамматике бурятского языка утверждается, что в сочетаниях үнэгэн малгай 'листья шапка', арба модон газар 'расстояние в десять верст', хонин ажал 'овцеводческое хозяйство', в послесложных конструкциях типа модон дээрэ 'на дереве' первые компоненты употреблены в форме первой, или полной, основы, с которой полностью совпадает именительный падеж, хотя на самом деле именительный падеж и основа представляют собой категории, разные по содержанию. Считается, что в парных словах первый компонент выступает в форме второй, или усеченной, основы. Но насколько правомерно считать, что основа слова может употребляться наравне с формами слов? Может быть, здесь мы имеем дело с неопределенным падежом, который отличается от именительного как падежа подлежащего и сказуемого?

Кратко рассмотрим некоторые вопросы синтаксиса. В учебнике по синтаксису для 7-8-х классов (1985 г., авторы Д.Д. Доржиев и др.), в учебнике для педучилищ (1986 г., автор Л.Д. Шагдаров) проводится точка зрения, согласно которой словосочетание - это соединение двух и более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них). А в вузовском учебнике (1985 г.) его автор П.Ц. Цыдыпов, отходя от традиции,

в составе подчинительных словосочетаний выделяет грамматикализованные сочетания, один из компонентов которых представляет собой незнаменательное слово. Например: шуу гатаха, уншаад байна, багша болобо, улан соо, шэб харанхы, тон-тон гэхэ, ябаха хэбэртэй, модон хэбэртэй, ерээ аабза, хурадаг гээбы, тэмээн лэ, хураха гээшэ, ши болбол и т.д.

В сочетании гэр соо байна, согласно школьному учебнику, гэр соо 'в доме' – в целом зависимый компонент словосочетания, ибо послелог соо не отвечает на вопрос и не может рассматриваться как самостоятельная лексема. А с точки зрения Ц.Ц. Цыдыпова, здесь выделяются два словосочетания: гэр соо и соо байна. Автор явно смешивает морфологическое и синтаксическое явления. Это видно из того, что в вузовском учебнике по морфологии, как и в книге "Аналитические конструкции...", он выделяет пять видов аналитических конструкций (суд үгэнүүд): 1) глагольную (зуража байна), 2) номинативно-вербальную (аргашан болобо), 3) послеложную (далай соо), 4) префиксоидную (шэб харанхы), 5) звуко-подражательную (тон гэнэ).

В отношении зуража байна, уншаад байна автор прав в случае, когда считает их аналитическими конструкциями, т.е. явлением морфологии. В синтаксисе такая конструкция в целом является компонентом словосочетания: мори зуража байна; зура-жа байхмень (юу?) харабади.

Что касается номинативно-вербальной (аналитической конструкции) типа аргашан болобо, багша болобо, то это фразеологизированная глагольная аналитическая конструкция, а в синтаксическом плане – именное составное сказуемое, в котором именная часть находится в именительном падеже. В предложении Бадма түргээр аргашан болобо сказуемым является не болобо (в противном случае оно приобрело бы значение 'сварился'), а аргашан болобо, отвечающее на вопрос яабаб? С точки зрения словосочетания это один компонент: түргээр (ямараар?) аргашан болобо.

Нельзя признать чисто морфологической категорией и послеложную конструкцию типа далай соо 'в море'. Если падежная форма (например, гэртэ 'в доме') действительно является грамматической категорией, то послеложная конструкция представляет собой лексико-грамматическую категорию. Конструкцию типа далай соо вполне можно квалифицировать как словоформу, т.е. как межуровневую единицу, которая связана как с синтаксисом, так и с лексикой и морфологией. Словоформы не всегда совпадают со словами. Например, в предложении Загаһан улан соо амидардаг 'Рыба живет в воде' четыре слова, но три словоформы. Следовательно, послелог в синтаксисе становится элементом формы слова. Таким образом, сочетания слов типа улан соо, с одной стороны, представляют собой синтаксическую единицу низшего уровня (ниже словосочетания), с другой стороны, в их формировании большую роль играет лексика, в частности лексико-семантические группы слов. Значение пространства, как и значение места, цели, причины, является не грамматическим, а семантическим значением. О том,

что в формировании послесложной конструкции большую роль играют лексика и семантика, свидетельствует и тот факт, что отдельные послеложные конструкции становятся все более несвободными, превращаясь во фразеологизованные наречные сочетания: агшан зуура 'вмиг, во мгновение, в момент'.

Поскольку сочетания типа шэб харанхы выражают морфологическое значение степени качества, по-видимому, можно считать их аналитическими конструкциями и в составе словосочетания рассматривать как один компонент: саб сагаан (ямар?) упыень.

В последнем, пятом случае (тон гэхэ) имеем фразеологизованный глагол. Здесь посредством вспомогательного слова гэ- и звукоподражательного корня образуется составная глагольная основа, получающая при этом глагольное словоизменение. Такой глагол в составе словосочетания представляет собой один компонент: тон гэгэн (ямар?) абян.

Кроме того, помимо подчинительных Ц.Ц. Цыдыпов различает еще сочинительные словосочетания, которые также, вслед за большинством, не признают школьный синтаксис и учебник для педучилищ. Автор критикует А.А. Дарбееву и У.-Ж.Ш. Дондукова, считающих парные слова сложными словами. Ц.Ц. Цыдыпов полагает, что в данном случае отсутствует критерий цельнооформленности. Но ведь под последней не обязательно понимается слияние лексем. Главное здесь -- невозможность вставки между компонентами такого образования других единиц языка. С этой точки зрения парное слово -- вполне сложное слово и поэтому в составе словосочетания должно рассматриваться как один компонент: гэр бүлөөрөө ерэхэ 'прибыть семьей', аяга табагаа угааха 'перемыть посуду'. Калмыцкая грамматика (1983) также признает их сложными словами, причем в калмыцком языке они совершенно правомерно пишутся через дефис.

В калмыцкой грамматике в качестве сложной лексемы выделяются еще составные слова, которые вместе с парными словами обычно рассматриваются как фразеологизмы. Это слова типа хар модн 'дуб', цаган алтан 'платина', шар өвчн 'желтуха', темэн чикн 'щавель' и др. Е.А. Кузьменков считает композитами слова типа модон гэр 'деревянный дом', цасан орой 'снежная вершина', араг толгой 'голова в форме корзины', хөл тормос 'ножной тормоз' и т.д. Калмыцкая грамматика выделяет еще составные слова, первый компонент которых имеет аффиксы совместного или родительного падежей: хөөнэ махн 'баранина', уста үэм 'виноград'; составные слова, образованные при переводе с русского языка путем калькирования: гавн жилэ зура 'пятилетний план', бузр дэн 'грязная война', мод белдлнн 'лесозаготовка', мод суулдлнн 'лесопосадка', һазр эдлэчнр 'земледельцы', хам цоклнн 'разгром', цапан алтн 'белое золото' и др. Все эти образования в морфологическом и синтаксическом планах ведут себя как одно целое и должны рассматриваться как отдельный компонент словосочетания: томо (ямар?) модон гэр 'большой деревянный дом', хониной мяхаар (юугээр?) хэгэн шүлэн 'суп из баранины' и т.д.

И бурятская, и калмыцкая грамматики в качестве сложных выделяют сочетания прилагательных, обозначающих оттенки цветов: хара хүжэ 'темно-синий', хүри улаан 'бордовый'; калькированные прилагательные олон шатата 'многоступенчатый', 'многостепенный', олон тоото 'многочисленный', эрдэм-техникын 'научно-технический' и др. Калмыцкая грамматика добавляет к ним атрибутивные сочетания, в которых первый или второй компоненты либо оба компонента являются существительными: хун цапан 'белый, как лебедь', мөсн киитн 'леденисто-холодный', хүнд парта (көв.н) 'тяжелорукий (молодец)', өндр нурһта (хүн) 'высокий (человек)', хавр-зуна 'весенне-летние', усн уга 'безводный', амтн уга 'безвкусный', бат биш 'непрочный' и др. Все эти сложные образования должны считаться самостоятельными компонентами словосочетаний.

Сказанное выше свидетельствует о том, что раздел "Словосочетание" вузовской грамматики требует значительной доработки.

В разделе "Предложение" расхождение наблюдается в отношении различения неполных и односоставных предложений. В научной грамматике бурятского языка в разделе "Неполное предложение" (с. 102) приведен такой отрывок из Х. Намсараева: "Барас нохойнь... согсойн һууна. Тиихэ зуураа аляпанай дүтэлхэдэ, ехэл тутархана. Шүдэээ хаб гүүлэн, тэдэһие бариха һанаатай, хазаад лэ алдана." Из этих трех предложений только в первом имеется подлежащее нохойнь, в других двух оно отсутствует, но подразумевается из первого предложения, поэтому они считаются неполными двусоставными предложениями. В своей рецензии на учебник по синтаксису для педучилищ, в котором приводится этот пример, Ц.Ц. Цыдыпов против этих двух предложений написал: "Нэгэ бүридэлтэ дутуу мэдүүлэл" (т.е. односоставное неполное предложение). Если согласиться с рецензентом и считать, что, например, предложение Тиихэ зуураа аляпанай дүтэлхэдэ, ехэл тутархана - односоставное, то почему оно должно считаться "неполным"? Ведь кроме подлежащего нохой, с которым это предложение - двусоставное, все другие члены здесь налично.

Другое дело, что сомнения вызывают случаи типа Би бэшэг бэшэнэб и бэшэг бэшэнэб (во втором предложении опущено местоименное подлежащее). По Ц.Ц. Цыдыпову, здесь первое предложение - двусоставное, личное, а второе - односоставное, определенно-личное. По нашему мнению, второе предложение можно было бы признать определенно-личным лишь в том случае, если бы в предшествующих предложениях не было местоимения би. Ср. рус: Я уже здесь. Приветствую тебя (здесь неполное двусоставное предложение; а в пушкинском: Приветствую тебя, пустынный уголок! - односоставное, определенно-личное, ибо в предыдущем предложении отсутствует местоимение я).

Следует отметить, что в бурятском языке, особенно в художественных произведениях, очень широко употребляются неполные предложения, чаще с пропуском подлежащего. Можно сказать, что это - норма для художественного стиля. Поэтому для того, чтобы учащиеся приобрели навыки естественного изложения, очень важно

указать на то, в каких конкретно случаях можно опускать подлежащее и другие члены предложения.

Наблюдается расхождение и в понимании приложения. В научной грамматике бурятского языка в качестве приложения признается лишь такое определение-имя, которое находится позади поясняемого слова и благодаря этому оказывается относительно самостоятельным словом, представляющим собой как бы лексический и синтаксический дублет, вариант того имени - члена предложения, которое оно поясняет или уточняет: Машкамни, ямаамни, угы болошоо. Считается, что определение-существительное, занимающее препозитивное положение по отношению к определяемому имени, не является самостоятельным и в бурятском языке отсутствует препозитивное приложение

18

Однако этот довод является весьма уязвимым. Дело в том, что приложение - это разновидность определения и ввиду этого оно не может не быть зависимым от определяемого слова. Разница здесь лишь в том, что постпозитивное приложение является более обособленным, чем препозитивное приложение. Ср.: Бадма хонишон эндэ һууна и Хонишон Бадма эндэ ерээд һууна. Здесь Бадма не перестает быть приложением, когда оказывается впереди определяемого имени хонишон. Если есть необходимость подчеркнуть, что этот человек - чабан, то можно произнести слово хонишон с логическим ударением и с паузой между ними, а на письме выделить запятыми: Хонишон, Бадма, эндэ ерээд һууна и Бадма, хонишон, эндэ ерээд һууна. Таким образом, трактовка приложения в научной и вузовской грамматике является неприемлемой. Этот вопрос правильно освещен в школьном синтаксисе. Приложение - это то же определение, но выраженное существительным; в отличие от обычного определения приложение обозначает то же понятие, что и определяемое слово.

В своей рецензии на учебник для педучилищ Ц.Ц. Цыдыпов пишет: «Понятие "сагай ушарлагша" ("обстоятельство времени") употребляется относительно членов предложения. Поэтому, наверное, не нужно охватывать причастные и деепричастные обороты. Так может дойти до предложения, которое показывает обстоятельство времени: Хэзээ бороо ороноб, тиихэдэ...»

Но оборот всегда считался синтаксическим целым, одной синтаксической конструкцией, выполняющей роль одного члена предложения. Так что данное замечание Ц.Ц. Цыдыпова противоречит всем учебникам.

В связи с этим следует сказать, что многие авторы учебников и методик частенько грешат тем, что, когда встречаются с оборотами в других разделах учебника, забывают, что эти обороты выступают распространенными обстоятельствами, и начинают разбивать их по членам предложения; а это является неверным с точки зрения действующего синтаксиса. Данное противоречие, возможно, было бы снято, если бы школьный синтаксис перевели на позиции полипредикативного синтаксиса, очень плодотворно разрабатываемо-

го нашими новосибирскими коллегами М.И. Черемисиной и Е.К.Скрибник на материале бурятского и других сибирских языков. К сожалению, И.Ц. Цыдыпов ничего не говорит об этих исследованиях, ограничившись упоминанием о том, что М.И. Черемисина опубликовала лишь одну брошюру в 1979 г.

Исследователям необходимо обменяться мнениями по этому вопросу, имея в виду, что синтаксис сложного предложения в новой научной грамматике предполагается написать с позиций этой новой концепции сложного предложения. Как показано этими исследователями, сложные предложения европейского типа в синтаксисе бурятского языка занимают незначительное место. В нем практически все синтаксические значения, выражаемые бифинитными союзными конструкциями индоевропейских языков, передаются мощной системой инфинитных форм глагола.

Последний раздел в вузовском синтаксисе называется "Высказывание" (Үгүүлэл). В этом разделе рассматриваются относительно законченные в смысловом и грамматическом плане отрывки связанных текстов, обычно именуемые сверхфразовыми единствами или текстом. Ввод такого раздела в синтаксис заслуживает всяческой поддержки, ибо здесь ставится цель обучения учащихся правильному построению связной речи и последовательному изложению мыслей на бурятском языке. Вызывает сомнение только термин "үгүүлэл", хотя он хорошо "рифмуется" с "холбуулал" (словосочетание) и "мэдүүлэл" (предложение). Однако в настоящее время под высказыванием понимается любая сообщающая единица, т.е. высказыванием может быть и предложение, и не предложение. Вслед за понятием предложения сейчас помещают понятие текста, под которым понимается организованный на основе языковых связей и отношений отрывок речи, содержательно объединяющий синтаксические единицы в некое целое.

Вузовский учебник ориентирован в основном на старые грамматические теории. Следовало хотя бы кратко рассказать об интенсивных синтаксических исследованиях, ведущихся в нашей стране: например, об актантной теории, о том, что многими авторами пересматривается традиционное понятие о второстепенном члене предложения, вместо него вводится понятие распространяющих членов предложения. Подробнее нужно говорить о теории актуального членения, о коммуникативных парадигмах предложения и т.д., а в морфологии — о принципах теории грамматики порядков, о морфонологии и т.д.

Таковы в основном расхождения между учебными грамматиками, с одной стороны, и учебной и научной грамматикой — с другой. Теперь очень кратко коснемся других проблем школьной грамматики.

Раньше наши учебники составлялись по русским образцам и в них большое внимание уделялось детализованному подробному изучению и усвоению правил правописания. Русский язык имеет максимально широкие функции, и естественно, что при его преподавании большое внимание обращается также на формальные моменты, в частности на правила орфографии, пунктуации, на разного рода исключения из правил и т.д. Однако при новой языковой ситуации, ког-

да в Бурятии интенсивно распространилось массовое двуязычие и когда со стороны молодого поколения все больше наблюдается недостаточное практическое владение родным языком, признано необходимым обратить основное внимание в школе на развитие связной речи учащихся.

По сравнению со старыми во вновь представленных учебниках наблюдаются положительные сдвиги в разработке заданий и упражнений по развитию устной и письменной речи учащихся, правильно-стилистическому использованию слов и словосочетаний, творческому отношению к категориям языка. Все же в целом авторы учебников продолжают недооценивать тот факт, что во главу угла должно быть положено именно развитие речи, а грамматика, правописание должны играть вспомогательную роль. Между тем в учебниках во многих случаях получается наоборот. Часто даются задания переписывать пространные тексты, подчеркивая и выделяя в них те или иные грамматические значения и орфограммы, а также краткие, долгие, мужские, женские, нейтральные, йотированные гласные. Таким образом, преобладают упражнения на элементарное распознавание грамматических и звуковых явлений.

В учебниках еще мало упражнений, стимулирующих творческое использование в речи языковых категорий и явлений, авторы не проявляют достаточно изобретательности в постановке творческих задач перед учащимися. Например, в программе есть раздел "Обучение правильному использованию местоимений для связи предложений". Но в нем не приведено упражнения, а между тем можно было бы дать разнообразные, интересные задания. При изучении послелогов можно было давать задания на разграничение по смыслу и стилю изложения послеложных сочетаний и синонимичных им надежных форм (типа гэр соо, гэр тээшээ – гэртэ, гэртээ); упражнения на смысловое разграничение послелогов (место, время, цель, сравнение и т.д.); упражнение на разграничение синонимичных послелогов, союзов, как сказано в программе. Можно включать тексты с искусственной концентрацией союзов с тем, чтобы ученики убрали лишние союзы, и т.д.

Программой предусмотрен специальный раздел "Развитие связной речи". К сожалению, в учебниках этот раздел обычно остается неразработанным. Между тем программой предусматривается: дать понятие о тексте и его частях, о способах их соединения посредством лексических и грамматических средств, определение темы текста, образец составления простого плана, переводы с русского языка, образец написания кратких рефератов, отзывов о прочитанном, заметок в стенгазету и т.д. Таким образом, стоит задача резко сократить в учебниках упражнения на правописание и элементарное распознавание языковых явлений, увеличить число упражнений с творческой направленностью, упражнений, развивающих наблюдательность, речь, ум ребенка, выявляющих и наглядно показывающих богатые выразительные возможности родной речи.

Следует преодолеть и такой довольно распространенный недостаток, как несоответствие в учебниках между теоретическим ма-

териалом и фактическим материалом в упражнениях. При прохождении, например, такой темы, как "Определение", в теоретической части авторы оперируют одиночными словами, а в упражнениях встречаются почти одни только развернутые определения. Пример: Зунай дунда һарын халуун шанга наранһаа тала дайдын хамаг бүхы амитан ядарна. Здесь по два развернутых определения: зунай дунда һарын и халуун шанга; тала дайдын и хамаг бүхы. Но по поводу таких определений никаких пояснений не делается. Не случайно даже в методических разработках на этот счет допускаются ошибки. Например, в "Методике обучения бурятскому языку" (1980, с. 223) Ц.Ц. Цыдыпова разбирается такое предложение: Доржо газаашаа гаража ябахдаа, бултанһаа урид гараһан Лева Толстойтой уулзаба. Здесь, по его мнению, Доржо - подлежащее, уулзаба - сказуемое, Лева Толстойтой - дополнение, бултанһаа - дополнение, урид гараһан - определение, газаашаа гаража ябахдаа - обстоятельство времени. В данном случае неправильно определено слово бултанһаа. Если бы это слово относилось к сказуемому уулзаба, тогда оно было бы дополнением. А здесь оно со словом урид относится к причастию гараһан и эти слова вместе, т.е. бултанһаа урид гараһан, являются распространенным определением.

Еще одна проблема, которой необходимо коснуться - это задача внесения некоторых коррективов в действующее правописание. Со стороны авторов учебников, учителей выдвигается требование изменить правописание заимствованных слов, т.е. все заимствованные слова в именительном падеже писать по-русски. Например: Европа (а не Европо, как сейчас), яблоко (не яблока), база, хор, сад, мода, эра (а не бааза, хоор, саад, моодо, ээрэ), баня, правление, пролетарий, варенье, горючее (а не бани, правлени, пролетари, варени, горючи) и т.д. Главное препятствие принятию такой поправки состоит в том, что в этом случае резко нарушался бы фонемно-морфологический принцип, ибо в именительном падеже было бы Европа, а в косвенных - Европодо, Европоор, Европоһоо. В случаях типа революция появилось бы резкое расхождение с живым употреблением: 1917 ондо Агуухэ Октябриин социалис революция болоһон. Поэтому, может быть, надо такую поправку вводить с ограничениями, в целом приблизив правописание большинства слов (в том числе некоторых давно заимствованных типа сахар, лапша, ке-росин, кузница, деревня) к русской орфографии.

В связи с некоторым прояснением статуса сложных слов надо внести изменение в их правописание. Так, парные слова, сложные наименования, может быть, следует писать через дефис: аяга-һанага, дүй-дүршэл, үндэр-набтар, наран-сэсэг и др. Сомнения вызывают признаваемые за сложные слова типа модон гэр, цалхи абаха, түсэбһөө гацуур и др. В связи с внедрением полипредикативного синтаксиса придется уточнить пунктуацию сложных предложений. В настоящее время действует правило, согласно которому обороты обособляются только сзади. При этом в школьном учебнике для 7-8-х классов утверждается, что если оборот примыкает к конечному сказуемому, то он не считается оборотом и не обособляется,

что фактически неточно: от изменения местоположения сущность оборота измениться не может. Поскольку у нас и графика в целом, и основные значения букв одинаковы с русским языком, в отношении использования знаков пунктуации (точка, запятая, точка с запятой, тире, двоеточие и т.д.), а также в написании прописных букв мы традиционно придерживаемся правила применять эти знаки максимально близко к правилам русского языка. Например, при выделении прямой речи мы используем знаки препинания совершенно так же, как и в русском языке. Благодаря этому у учащихся создаются единые представления относительно применения пунктуационных знаков. При этом разумеется, конечно, что в случаях, когда этот принцип не соответствует законам бурятского языка, от него делаются отступления.

Пока данная статья готовилась к печати, вышли в свет учебники, которые были утверждены ранее или находились в производстве (см. начало этой статьи). Сейчас изучается предложение о том, чтобы для 5-9-х классов иметь один учебник, так как, с одной стороны, в ныне использующихся учебниках много повторений, а с другой стороны – необходимо обращать больше внимания на развитие свяной речи учащихся. В 1989 г. издан учебник для педучилищ, составленный Л.Д. Шагдаровым и Д.-Н.Д. Доржиевым. В нем кратко представлены фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, фразеология, лексикография, морфология, пунктуация и стилистика. Предполагается издать к этому учебнику сборник упражнений.

Примечания

¹ См.: Раднаев Э.Р. Бурятский язык в школе. – Улан-Удэ, 1979.

² См.: Чареков С.Л. Наречные слова и частицы в системе частей речи бурятского языка // Вопр. языкознания. – 1984. – № 3.

³ См.: Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка. – М., 1961. – С. 29.

⁴ См.: Сиджиев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. – М., 1963. – С. 67.

⁵ Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. – М., 1961. – С. 95.

⁶ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962. – С. 190.

⁷ Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. – Элиста, 1983. – С. 193.

⁸ Орловская М.Н. Функции соединительного деепричастия в классическом монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. - Элиста, 1980. - С. 4.

⁹ См.: Шевернина З.В. О категории вида в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. - Новосибирск, 1987.

¹⁰ См. в настоящем сборнике: Дугарова Г.С. Проблема вида в бурятском языке.

¹¹ См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 127-134.

¹² Яхонтова Н.С. Перфект в монгольском языке // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. - М., 1984. - С. 92.

¹³ Дораяева Р.И. Категория наклонения в калмыцком языке (в синтагматическом аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. - Элиста, 1980.

¹⁴ Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972. - С. 280.

¹⁵ Цыдыпов Ц.Ц. Методика преподавания бурятского языка. - Улан-Удэ, 1980. - С. 148.

¹⁶ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. - М., 1963. - С. 84-85.

¹⁷ Там же. - С. 83-84.

¹⁸ См.: Бертагаев Т.А. Цыдендамбаев Ц.В. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 71.